

КОТ-КНИГОЛЮБ

КНИГИ ПРО ВОЛШЕБНИКОВ И ВОЛШЕБСТВО

12+

Истории, которые вы еще не читали

Кот – книголюб

Кристина Выборнова

**Книги про волшебников
и волшебство**

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Выборнова К.

Книги про волшебников и волшебство / К. Выборнова — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого», — (Кот — книголюб)

В сборник вошли произведения: «Зверь и Скрипка» Игоря Фарбаржевича, «Молоко из еловых шишек» Олега Сешко, «Черный. Белый. Бежевый» Кристины Выборновой. Серия «Кот-книголюб» - это сборники книг для современной молодежи, подобранные по возрасту и тематике. Перед вами яркие, увлекательные истории о путешествиях, опасных авантюрах, небывалых мирах. Каждая книга – удивительный мир открытий, где можно оторваться от реальности и помечтать.

© Выборнова К.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Игорь Фарбаржевич	5
Глава первая	6
Глава вторая	8
Глава третья	9
Глава четвёртая	12
Глава пятая	14
Глава шестая	20
Глава седьмая	22
Глава восьмая	26
Глава девятая	31
Глава десятая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Книги про волшебников и волшебство

Игорь Фарбаржевич Зверь и Скрипка

*Духи ада любят слушать эти царственные звуки,
Бродят бешеные волки по дороге скрипачей...*

Николай Гумилёв «Волшебная скрипка»

Глава первая Плохой город

По мерзлой декабрьской дороге, ведущей в город Мэргород, двигались два путника. Идти было трудно. Дул встречный ветер, метель колола лица и руки, пробирала до костей. Но молодые люди – и одеты были не по-зимнему, и не ели со вчерашнего утра. Так что мысль о возможном ужине и тёплой постели неумолимо гнала их вперёд. Звали их Антон и Снегирь.

– Долго ещё?!.. – повернулся к товарищу Антон, с трудом пытаясь перекричать ветер.

– Скоро!.. – махнул рукой Снегирь. – Полчаса, не больше!.. Видишь во-он ту сосну?!.. – На пригорке недалеко от дороги стояла разбитая молнией кривая сосна. – Это верный знак, что город близко!..

– Руки заоченели!.. – посетовал Антон.

– Потерпи!.. – успокоил его Снегирь. – Когда я в прошлом году пролетал над городской площадью!..

Тут его странные слова заглушил новый порыв ветра, юноша посильнее затянул шарф и замолчал...

Над городом стоял Поздний Вечер. Казалось, он небрежно облокотился на крыши домов, попыхивая печными трубами и пуская дым под облака.

Метель утихла, разбросав лиловый искрящийся снег на дома, деревья и тротуары.

Мчались богатые экипажи, дребезжали пролётки. Прохожие, кутаясь в пальто и шубы, спешили к домашнему очагу, и никому не было дела до двоих путников, оказавшихся волею судьбы в их городе.

На башне Ратуши, в центре циферблата, поблескивала дата уходящего дня: 28 декабря.

А в центре площади стояла нарядная высоченная ёлка с диковинными игрушками и цветными фонарями.

Неподалёку от Ратуши высилось старинное здание, на котором огненными буквами было написано:

ГОСТИНИЦА «ВОТ БОГ, А ВОТ ПОРОГ!»

Вход охраняли два мраморных льва, с выпученными от бессонницы глазами.

Снегирь постучал в дверь медным кольцом.

За стеклом отодвинулась тяжёлая портьера, и за ней появился заспанный Гостинщик с услужливой улыбкой. Однако, разглядев гостей, он погрозил им кулаком и скрылся.

– Эй! – сильнее задёргал кольцо Антон. – Мы хотим переночевать!

– И поужинать! – добавил Снегирь.

Прямо над входом с треском растворилось окно, и наружу высунулась всклокоченная голова Гостинщика:

– Подите прочь! Или я позову стражу! Моя гостиница не для бродяг!

– Мы не бродяги, сударь! – с достоинством ответил Снегирь. – Мы – музыканты! Разве не видно?

Но прежде, чем он успел закончить фразу, окно громко захлопнулось.

– О, гостеприимство! – прорычал в бессилии Антон и пнул ногой дверь.

Подмётка сапога сразу же отлетела в сугроб. Пришлось её разыскивать в снегу. Снегирь расхохотался, да так громко, что мраморные львы, казалось, недовольно скосили на него безжизненные глаза.

– Ничего смешного! – угрюмо сказал Антон, возившийся с подмёткой, привязывая её обрывком верёвки к сапогу. – Что будем делать?

– Выступать! – внезапно предложил Снегирь. – Прямо здесь! Ты погляди, какая сцена! Какие кулисы! – показал он на крыльцо со львами.

– Что?! – взвился Антон. – Прямо здесь?! Играть перед невежей?!

– И – немедленно! – твёрдо повторил товарищ.

– Ну, уж нет! – обиженно ответил скрипач. – Да и как играть? Пальцы заledenели...

– Доставай скрипку, – всерьёз промолвил Снегирь.

Антон тяжело вздохнул и принялся сгибать и разгибать одеревенелые от холода пальцы, согревая их своим дыханием. Затем расстегнул плащ и потянулся к скрипичному футляру, висевшему на плече под плащом.

– Не мешкай, – поторопил его товарищ, пританцовывая на морозе. – Чего копошишься?

– Её... нет!.. – сдавленным голосом вскрикнул Антон, раскрыв старый футляр. В его глазах сверкнули слёзы. В футляре лежало сырое берёзовое полено.

– Вот беда-то!.. – огорчился Снегирь. – Я догадываюсь, чья эта работа! Хозяин дорожного трактора! Он забрал её, вместо платы за приют, когда мы прикорнули на часок.

– Да весь его трактор не стоил и одного скрипичного колка! – воскликнул потрясённый скрипач. – Что же делать?!..

Он закрыл лицо руками и присел на занесённую снегом ступеньку.

В домах гасли окна, прохожие и экипажи мелькали всё реже и реже. Вновь закружилась позёмка.

– Ну-ну, – обнял загоревавшего Антона Снегирь. – Не отчаивайся!

Эх, умей он сейчас летать – слетал бы к тракторщику да вернул бы другу скрипку!..

– Эй, Антон! Спишь, что ли?..

Скрипач спал, уронив голову на плечо.

– Ах, несчастные мы с тобой, несчастные!.. – сокрушённо прошептал Снегирь. Затем замолчал и тоже прикрыл глаза...

...И почудилась ему, а может, и приснилась – земля с высоты птичьего полёта, чистые небеса... Послышались свист ветра и утренняя песня, которую он пел, когда был птицей...

Глава вторая

Певец и скрипач

Его поймал мальчишка-птицелов, когда Снегирь присел на мгновение попить воды из ручья. Это было в прошлом году. Лёгкая крепкая сеть накрыла его, и чёрные крылья с синим отливом отчаянно затрепетали. Дико и бесполезно... Потом он очутился в большой плетённой корзине. В ней уже сидели несколько пленников: коноплянка, голубь и трясогузка. На рынке быстро нашёлся покупатель на голубя, потом купили трясогузку, затем коноплянку, которая жалобно силилась что-то спеть среди прутьев. Снегирь остался один. Он не стал петь в неволе.

– Пой! Пой! – говорил ему мальчишка-птицелов, тыча в него зелёным прутиком.

Снегирь молчал. А кому была нужна красивая, но безголосая птичка!

– Пой же! Пой! – злился мальчишка. – Или я отдам тебя кошке!

– Зачем же кошке?! – раздался рядом чей-то весёлый голос.

Перед разозлённым птицеловом стоял парень в широкополой шляпе, в плаще и со скрипичным футляром в обнимку.

– Разве кошка поймёт его песни? – улыбался он. – Ну-ка, спой, дружок! – обратился скрипач к птице.

Но Снегирь продолжал молчать. Он растопырил крылья и часто-часто дышал от страха и жажды.

– Да он немой! – процедил сквозь зубы мальчишка.

– Конечно не твой, – скалабурил молодой человек и достал из кармана плаща тощий кошелёк. – Сколько просишь?

– Вообще-то... – наморщил лоб мальчишка, – он стоит пять монет. Но вам я продам за четыре.

– Держи одну! – подытожил разговор скрипач и, отдав продавцу медяк, открыл дверцу клетки.

– Лети! – торжественно приказал он Снегирию.

Тот, не поверив, прижал крылья к телу, затем встрепенулся и вылетел на волю.

Ах, как же хорошо было в небе после клетки из ивовых прутьев! Какой прекрасной казалась сверху земля! Даже солнце светило ярче! И облака были белее! И синее река. Как же ты сладка, свобода!..

Снегирь запел, да так звонко, что все на земле подняли к нему головы! И люди, и козы, и собаки!

– Чудесный певец! – восхищённо сказал самому себе скрипач и взял в руки скрипку.

Мелодия взлетела вслед за Снегирием. В ней были – и звон дождей, и шум ветра, и плеск ручья, и свист вьюги... Казалось, было слышно, как стонали деревья и шептались травы. О, волшебная мелодия скрипки! Она напоила свежестью души, одарила радостью сердца, оживила всё кругом!.. Певец и музыкант вместе пели гимн земле и солнцу!

Снегирь вдруг почувствовал, что его неодолимо тянет вниз – к ромашковому лугу, и только коснулся земли – в один миг стал человеком! Он с тоской поглядел в небо, но, ободрённый улыбкой скрипача, шагнул ему навстречу.

Так они встретились – Певец и Скрипач – и пошли вдвоём по дорогам, деля кусок хлеба и медный грош, щедро отдавая людям своё богатство – музыку. Они пели колыбельные песни детям, хвалу отважным, серенады влюблённым. Старым людям пели песни их молодости, больным и несчастным – мелодии, приносящие силу и надежду. Так и жили.

Они не дрожали перед сильными мира сего. За это одни их любили, другие боялись: даже однажды пытались убить, но друзей защищала волшебная мелодия скрипки.

Глава третья История Антона

Пока Снегирю снилось небо, скрипач видел во сне своё детство... Антон не помнил себя малышом, забыл, кто – мать, кто – отец, даже не знал их имён... Лишь чей-то прекрасный женский голос над его колыбелью эхом жил в его сердце...

На шестках сидят в ночи
Удалые скрипачи.
Держат тонкие смычки
Крошки малые – сверчки.
А смычки – блестящие!
Прямо – настоящие!
А смычки – от ёлки
Тонкие иголки...

Вот и всё, что осталось от раннего детства, если не считать медальона на серебряной цепочке. На нём была выбита одна-единственная буква «N» в виде двух ноток. Но что означала эта буква – Антон не знал. Иногда даже казалось, что медальон ему повесили в Приюте, как ребёнку без имени. Мальчик N – мальчик-Никто!..

О, Антон хорошо помнил своё приютское детство! Странное было заведение! Помнил, высохших от злости, дам, путавших указку с тростью и называвших себя учительницами. Помнил злобных ключников со связкой тяжёлых ключей от карцера и подвала, мнивших себя воспитателями. Вспоминал толстых неповоротливых воровок с полными кошёлками мяса и овощей, считающихся поварами. Да ещё лысого картёжника, проигравшего почти всё казённое имущество – от колченогих парт до штопанных простыней, у которого была должность Инспектора Приюта!.. И все они, не имея никогда своих детей, дружно взялись за воспитание, поучение, наказание детей чужих, будучи абсолютно уверены, что главное в педагогике – это страх и боль. И совершенно не подозревали, что рядом живут Любовь, Доброта и Достоинство. Много раз стучались те в приют – то летним дождём, то пением соловья, то солнечным зайчиком. Но его двери были наглухо закрыты перед ними, а если и открывались, то лишь затем, чтобы обречь новых несчастных мальчишек и девчонок на живое погребение.

И всё же дети убегали. Кто постарше – навсегда, а ребятня – всего на денёк-другой. Через подкоп в задней стене, выходящей к оврагу, они целыми днями носились, весёлые и беззаботные, воруя еду у лавочников или до отвала наедаясь ягодами в лесном малиннике. Но всё это было летом, а зимой – куда убежишь?.. Терпи, сирота! Учись, живи впроголодь и жди весенних дней!..

Однажды поздней весной Антон повстречался на лугу с цыганским табором. Его угостили заячьим рагу и дали попробовать глоток молодого яблочного вина. Хмель ударил в голову двенадцатилетнему мальчишке, а одна затяжка чубука с крепким табаком завершил дело: сознание затуманилось, и когда он очнулся, то уже трясся в цыганской кибитке.

«Меня украли! – подумал Антон. – Меня увозят... Куда?.. – И тут же счастливо улыбнулся: – Как это здорово!..»

А кони мчались всё быстрее, мимо проносились леса и деревни. Вперёд, скрипучая кибитка! К солнцу, к луне, к звёздам! Куда угодно! Лишь бы не повернуть назад...

Так он остался в таборе. Его полюбили за весёлый нрав, за смелость и прямоту, а юные девушки-цыганки даже стали заглядываться на рослого не по годам подростка.

Однажды он услышал у костра игру скрипки в руках вайды – старого вождя. Под её плач Антон не заметил своих слёз, что смешались с ночной прохладой. И впервые ощутил острое желание научиться играть.

– Не плачь, научу, – сказал ему старый музыкант.

И с этой ночи Антон уже не расставался со скрипкой. Он выучился играть на ней так легко и быстро, что даже старый вожак был искренне изумлён его успехами. С каждым днём талант скрипача набирал силу, как молодая трава на разогретом от солнца пригорке. И когда мелодия, вырвавшись из-под смычка, словно подземный ключ, всколыхнула душу старому цыгану, тот, нахмутив морщинистый лоб, сказал:

– Возьми скрипку себе, парень! Сегодня я увидел в твоих глазах не отблеск костра, а неистовый огонь музыки, наполняющий душу. Быть тебе музыкантом! А что принесёт это – печаль или радость – неведомо никому... Она – твоя, сынок, и в легкий час, и в трудную минуту...

С того дня Антон стал играть на свадьбах, и на поминках, принося в табор кучу денег и золотых вещей. Звонкая и весёлая слава об игре Антона разнеслась по дорогам. Всюду, куда бы ни приехали цыгане, горожане тут же интересовались, а не в их ли таборе живёт тот самый Антон-музыкант, и ни один мэр или бургомистр не трогали кочевой народ.

Когда же старый вожак умер, новый оказался злым и алчным. Смолкли песни у костров, умолк смех. Скрипка стала играть редко, словно соловей в холодные дни, а если играла, то лишь грустные мелодии, от которых плакала душа.

И однажды Антон сбежал из табора. Пять лет бродил по дорогам и лишь в прошлом году встретился со Снегирём.

Зима была для них трудной. Неурожайный холодный год изменил людей. Теперь они не были такими добрыми и щедрыми, как раньше. Бывало, и собак спустят, и камень в вослед бросят.

Попав в Мэргород, оба музыканта так устали, что крепкий сон сморил мгновенно обоих, и они не услышали чьих-то скрипучих шагов на снегу.

Рядом со спящими молодыми людьми появилась старая цыганка. Её тщедушную фигуру укрывала с головы до пят длинная цветастая шаль. Подмышкой она держала чёрного петуха.

– Ко-ко-ко!.. – с любопытством выглядывал тот из-под шали.

Завидев спящих, цыганка напрямик направилась к ним, с тревогой глянула на торчащие худые колени из-под рваных плащей, на шляпы, занесённые снегом, на их бледные в сумраке лица... Дотронулась до плеча Снегиря.

Тот вздрогнул во сне, камнем упал с небес на землю и раскрыл глаза.

– Это ты Антон-музыкант? – спросила цыганка.

– Это он, – указал Снегирь на Антона. – Только не будите его. Пусть поспит. В дорожном трактире, где мы вчера ночевали, украли его скрипку.

– Скрипка у меня, – сказала цыганка. – Её стянул наш цыганёнок. Хороший улов, подумали мы. Но многие в таборе сказали, что хозяин скрипки – Антон...

Она достала из-под шали скрипку и смычок.

– Его?

– Она самая!.. – взял её Снегирь и с огорченьем сказал: – А я на трактирщика подумал... – И осторожно положил смычок и скрипку на место в пустой футляр. – Спасибо вам!.. – поклонился он цыганке. – И простите, что заставили вас... в такую ночь...

– Это вы нас простите, – перебила она его и торопливо добавила: – Бегите отсюда! Плохой город!..

– Ко-ко-ко! – что-то важное промолвил петух из-под шали.

– Он говорит, – сказала цыганка, – что к утру будет крепкий мороз. Замёрзнете оба...

Снегирь взглянул на Антона. Тот так крепко спал, что даже на миг показалось, будто и не дышит. Снегирь испуганно потрянул его за плечи и обернулся к цыганке, словно прося о помощи. Но ни её, ни петуха уже не было. А следы, ведущие в ночь, быстро замела вьюга...

Глава четвёртая Весна в декабре

- Проснись же, проснись! – затормошил Снегирь Антона.
- Ну, чего тебе?.. – недовольно сквозь сон пробурчал тот.
- Надо бежать!
- Куда?.. – Зачем?..
- Ещё не знаю...
- Отстань... – махнул рукой скрипач и повернулся на другой бок.
- Твоя скрипка нашлась! – прокричал ему на ухо Снегирь последний аргумент.

Антон сразу же раскрыл глаза, вскочил на ноги и открыл футляр. Господи, так и есть! Смывок и скрипка! Он и она! И пробежит искра между ними! И родится новый звук! И новая жизнь!

Он едва в это поверил... Сердце учащённо забилося. Потом затрепетало. Музыкант взял скрипку в руки, и услышал ещё несыгранную мелодию, которая горячей волной плеснула в его душу!

Снегирь молча наблюдал за товарищем.

А тот подул на озябшие пальцы и, словно до сих пор не веря, что все это – явь, нежно провёл смычком по струнам... В тишине падающих снежинок вознёсся к небу тоскливый отзвук Прошлого, тихое звучание Настоящего, радостные звуки Будущего.

– Она вернулась ко мне! – жарко промолвил скрипач. – Но как?!..

И Снегирь рассказал про встречу с цыганкой.

– Невероятно! – рассмеялся Антон. – Значит, меня ещё помнят!.. – И тут же, позабыв, что все вокруг спит, скинул скрипку на плечо.

Не успел Снегирь ему сказать: «Нам надо бежать из этого города!», как нетерпеливый смычок сразу же впился в струны! Мелодия, в которой звенели звёзды и шумел ветер, уже неслась над ночным городом!

Поздний Вечер, казалось, удивлённо глянул на них из поднебесья и тотчас же исчез, растворился, пропал! А солнце, давно ушедшее на покой, внезапно передумало и вернулось. И засветило над землёй весенним утром!

На тротуарах сквозь тающий снег стали пробиваться цветы. И хохотали брызжущим смехом ручьи талой воды, и птицы вторили скрипке. Грохоча по крышам, ловко перепрыгивая с одного дома на другой, бежал мальчишка Утро. В одной руке у него был сачок, которым он ловил звёзды, в другой звенел колокольчик. Горожане распахивали окна, выходили на улицы и желали друг другу всего доброго. Мраморные львы блаженствовали на солнце, с удовольствием прищуривая глаза. Башенные часы на Ратуше пробили десять часов утра, а на циферблате сменилась дата: 28 апреля. Звенела синева, и падал к ногам Музыканта нескончаемый дождь монет!

Гостинщик принёс пустую корзину и, ползая у ног скрипача, всё собирал монету за монетой, а когда набрал доверху, почтительно стал рядом, не выпуская корзину из рук.

– Милости прошу ко мне!.. – поклонился он Снегирию. – В темноте не разглядел великого маэстро! Больные, знаете ли, глаза! Окажите честь!.. Прошу вас! – И кланялся, кланялся...

А скрипач всё играл.

В толпе появился молчаливый человек в белом цилиндре. Появился и – тут же исчез...

... На балконе соседнего дома, скрываясь за листьями дикого винограда, потрясёно слушала музыку дочь мэра Мария. Мелодия была нежная, светлая и печальная. Щемило сердце, ужасно хотелось плакать. Но девушка сдерживалась, сжимая губы и шмыгая носом.

Она безумно стеснялась себя перед всем миром, стеснялась своего бледного лица, слишком большого лба – девушка действительно была не красавицей, но вовсе и не такой уродиной, какой сама представлялась себе...

Скрипач всё играл и играл, а Гостинщик ныл, стоя рядом:

– Прошу же!.. Пожалуйте в мои апартаменты! Превосходная кухня!

– Тише, папаша, тише! – вполголоса урезонивал его Снегирь.

– Лучшие номера! – назойливо рекламировал хозяин гостиницы. – Не постели – сплошной пух!

– Нет-нет! – уже не на шутку запротестовал Снегирь: он отчетливо помнил предостережение старой цыганки. – Нам надо идти. Всё, что можно было получить в вашем городе – мы получили сполна!

– Не отпущу! – испуганно воскликнул Гостинщик, ещё крепче прижимая к груди тяжёую корзину. – Если чем обидел – готов извиниться!.. Ужасный характер! Нервная работа!..

Шквал аплодисментов заглушил его слова, когда смычок с последним звуком взмыл и опустился.

– Пойдём отсюда! – шепнул Антону Снегирь. – И как можно скорее!

– Что-то случилось?.. – рассеянно спросил скрипач, продолжая раскланиваться по сторонам и дарить улыбки.

– Здесь нельзя оставаться, – шептал Снегирь. – Плохой город!..

– Я бы так не сказал о городе, в котором возможно подобное чудо, – ответил Антон, с поклоном принимая протянутый ему букет первых весенних цветов. – Смотри, как нас принимают. Честно говоря, я согласился бы дать ещё один концерт!.. Кроме того, я устал и ужасно хочу есть!

– Шампиньоны в китайском соусе, телятина под виноградным маринадом и мадера из подвалов моего прадедушки! – искал Гостинщик, прислушиваясь к их разговору.

Рядом с ними на миг появился ещё один тип в цилиндре, такой же молчун, что и первый. Так же покрутился и – пропал. Только на его голове сидел цилиндр чёрного цвета.

Но наши герои странных молчунов не заметили, а продолжали жарко спорить:

– Ты сам привёл меня в этот город! – напомнил Антон Снегирю.

– Я всё перепутал, – торопливо соврал тот. – И дорогу, и место...

– Нас не перепутаешь ни с кем! – запротестовал Гостинщик, вновь бесцеремонно вступая в разговор. – «Вот Бог, а вот порог!» – лучшее место на свете! – И, обернувшись к окнам гостиницы, крикнул торчащим в них слугам и поварятам: – Эй, там! Два самых аппетитных завтрака и лучший номер в нашем заведении!

– Всё! Мы остаемся! – решительно решил Антон. – Не вижу причины для беспокойства.

Снегирь хмуро молчал.

– Ну, хорошо! – сказал скрипач. – Поедим, отоспимся, а вечером в путь!.. Идет?..

– Кто же уходит в дорогу на ночь? – заметил, обомлевший от счастья, Гостинщик. – Переночуете, а уж утром – счастливого пути!

– Ещё один ваш совет, папаша, – ответил ему Снегирь, кипя от негодования, – и мы найдём другую гостиницу!

– А другой в городе нет! – радостно сообщил тот.

– Спасибо за помощь! – окончил разговор Снегирь и, отобрав у оторопевшего Гостинщика корзину, пересыпал монеты в тулюю свой широкополой шляпы.

Глава пятая «Искусство не для всех»

Когда скрипичная музыка смолкла, дочь мэра вернулась с балкона в свою комнату. Она рассеянно полистала журнал мод, бесцельно походила из угла в угол и с тоской подошла к зеркальному трюмо.

То, что Мария увидела в зеркале, заставило её на миг отшатнуться, затем зажмуриться, потом широко раскрыть глаза, и на этот раз вплотную приблизиться к своему отражению.

Это была она и не она! Голубоватая бледность кожи теперь приобрела благородную белизну, тонкие линии носа даже самые придирчивые критики назвали бы аристократическими. Высокое чело, нежные, чуть подрагивающие губы. Вместо стеснения и угловатости подростка – женственность.

Мария испуганно и недоверчиво провела рукой по лицу – девушка в зеркале повторила те же движения. Без сомнения, это – она! Такой Мария видела себя только во снах, только в мечтах! И вдруг – наяву! И прекрасные глаза её стали ещё прекрасней.

«Неужели это я?» – улыбнулась она себе.

– Да, это – я! – рассмеялась Мария счастливым тихим смехом. – Конечно же, это – я! – расхохоталась она до слёз. – Ах, это – я!.. – И закружилась по комнате.

А когда сердце уже готово было выпрыгнуть наружу, девушка остановилась, отдышалась, заглянула напоследок в зеркало и заспешила на площадь.

У гостиницы горожане до хрипоты спорили о том, *что* это было, в конце концов?! Одни говорили: сказочный сон, другие утверждали: волшебный спектакль, третьи уверяли: мировой гипноз. Старушки крестились, шепча о конце света. Но большинству было всё равно: лишь бы из-за этой новоиспеченной весны не стало вдруг хуже. Необычайное явление так поразило жителей города, что они не заметили мэра, появившегося в толпе.

Это был невысокого роста человек, лет сорока, располневший, с гладковыбритым лицом. Мешки под глазами свидетельствовали то ли о болезни почек, то ли о чрезмерной любви к застолью. Его насупленный взгляд, говоривший, казалось, об угрюмости или жестокости, на самом деле был обманчив – мэр, или как его называли за глаза «отец города» был, как ни странно, человеком весёлым и добродушным. Лишь должность, на которой он находился, требовала от него всей строгости и собранности, поэтому большинство горожан, не зная мэра близко, считали его грозой всего города, а его именем пугали детей.

Рядом с ним почти всегда находились два крепких коренастых молодца по имени Белый и Чёрный, что соответствовало цвету их цилиндров на голове. Они были не только его охраной, но и тайными агентами городской власти, хотя ни для кого это давно уже не было секретом. Всё, что бы ни случилось в городе и его окрестностях, в любом доме и на любой улице, с каждым жителем или животным, днём или ночью, – тут же передавалось в Ратушу устным или письменным доносом. Говорили охранники редко, чаще молчали, а если и открывали рот, то не утруждали себя длинными фразами. В основном, употребляли два междометия: «у-уу» и «угуу». Они-то и привели на площадь «отца города».

– Всем разойтись! – приказали они горожанам и, пригрозив толпе кулаком, вбежали в гостиницу следом за мэром.

Навстречу им с несмываемой улыбкой уже спешил Гостинщик:

– Какое счастье видеть вас в моем скромном заведении! – закатил он в восторге глаза.

– Допоешь потом! – прервал его мэр. – Где они?!

– Кто?! – опешил Гостинщик.

– Скрипач и его сообщник! Хотя бы проверил, кого поселяешь...

– Они за-а-автракают... – втянул голову в плечи хозяин гостиницы, с ужасом осознавая, что сделал что-то не так.

– В тюрьме их накормят! – заорал мэр.

– Ва-ва-ваше превосходительство! – заныл Гостинщик, ни жив, ни мёртв. – Не знал, что они – преступники! Больные, знаете ли, глаза. Нервная работа! Просмотрел!

– Веди! – зарычал на него хозяин города, и тут же отдал приказ тайным агентам: – Достать оружие! Бандиты могут быть вооружены!

Чёрный и Белый вытащили из потайных карманов по огромному револьверу.

Бесшумно поднявшись на второй этаж, защитники городского спокойствия остановились у двери, указанной Гостинщиком, мэр властно постучал.

– Что нужно? – донесся голос Снегиря из комнаты.

Гостинщик растерянно взглянул на «отца города» – тот жестом велел ему отозваться.

– Это я... – проблеял хозяин. – Я вам... м-м-м... молочка принес... э-э-э... с кофе.

Задвижка щёлкнула, и агенты тут же ворвались в номер. Не успели музыканты охнуть, как их уже обыскали с ног до головы, однако оружия у подозреваемых не обнаружили.

– Кто такие?! – грозно навис над ними мэр.

– Бродячие музыканты, – бесстрашно ответил певец.

– Бродяги, значит!

– У-уу! – угрожающе протянул Белый.

– Угуу! – констатировал Чёрный.

– Мы не бродяги! – повторил Снегирь с достоинством.

– А паспорта у вас есть? – строго спросил мэр.

– Это ещё зачем? – удивился Антон.

– Чтобы удостовериться, – нравоучительно изрёк мэр, – что вы именно те, за кого себя выдаёте.

– Что значит: «выдаём»?! – возмутился Снегирь. – Во-первых, мы никогда никого не выдавали, а во-вторых: все видели, что играл он сам! – он кивнул на Антона и уточнил: – Причём, совершенно бесплатно!

– У-ууу! – недоумённо подняли брови тайные агенты.

– Ну, почти... – сказал Снегирь. – Вообще-то мы оставляем себе горсть монет на ночлег и ужин.

– Хорош ужин! – усмехнулся мэр, выразительно тряхнув полной шляпой Снегиря.

– Это не наши деньги, ваша милость, – ответил Антон. – Мы их отдаём в детские приюты. Я сам вырос в таком.

– У-уу, ненормальные! – сказал Белый.

– Угуу, сумасшедшие! – согласился с ним Чёрный.

– Чокнутые! – вытер пот со лба Гостинщик, не отрывая алчного взгляда от шляпы.

– Безумцы! – осуждающе подытожил мэр и тут же приказал агентам: – Деньги конфисковать в городскую казну! Они им больше не понадобятся.

– Чего же мы такого натворили? – поинтересовался Снегирь.

Мэр вплотную подошёл к певцу.

– Имя? – сурово спросил он.

– Снегирь, менестрель!

– Странное имя, – покачал головой мэр. – И фамилия подозрительная... – Он перевёл свой хмурый взгляд на Антона: – А тебя как зовут?

– Антон-музыкант, – ответил скрипач.

– Разве? – ухмыльнулся мэр. – А я вижу, что никакие вы не музыканты... Вы – колдуны!

– Мы?! – воскликнули те в один голос.

– А кто превратил зиму в весну? Кто сорвал охоту его светлости?!.. То-то! – И он отдал приказ агентам: – В тюрьму обоим!

Но не успели те исполнить его распоряжение, как откуда-то раздался телефонный звонок.

Гостинщик, не веря своим ушам, в растерянности завертел головой и выпучил глаза: уж он-то точно знал, что телефона в номере никогда не было.

Однако Белый уверенно подошёл к треногому столику, изнемогавшему под тяжестью огромной глиняной вазы, вышвырнул пыльно-шёлковый букет пёстрых роз и, достав оттуда телефонную трубку, протянул её мэру.

– Мэр слушает! – громко сказал тот.

Агенты и Гостинщик привычно заткнули пальцами уши. Музыканты же так и остались стоять в недоумении.

– Да, ваша светлость!.. Выяснил, ваша милость! Певец и скрипач... Кого? Скрипача?.. Говорит, что Антон, ваша светлость! – отчитывался перед кем-то мэр. – Что?!.. – Его лицо вытянулось. – Гм-гм... – Он прикрыл ладонью микрофон, отвернулся в угол и понизил голос: – Не совсем понимаю, ваша милость!.. Как прикажете... – разочарованно сказал он. – Будет исполнено! До завтрашнего утра, ваша светлость!..

Он бросил трубку в вазу и повернулся. Казалось, лицо его заменили: оно сияло, словно начищенный кофейник. Гостинщик оторвал руки от ушей, а агенты бросились к музыкантам, намереваясь выполнить последний приказ мэра.

– Отставить! – остановил он их. Теперь и его голос журчал добродушно и гостеприимно, хотя и немного растерянно: – Хочу, гм-гм, извиниться перед нашими гостями и просить считать случившееся просто весёлой шуткой.

Все вытаращились на мэра.

– Да-да, господа! Это был розыгрыш! – и он дружески-поощрительно потрепал Антона и Снегиря по плечу.

– Хорош розыгрыш! – не удержался Снегирь.

– Выходит, мы – не преступники? – уточнил Антон.

– Ну, конечно же, нет! – нервно расхохотался мэр. – Вы, ребята, талантливые музыканты! Гордость нашего города! Любимцы нашего края!.. Только что, – торжественно объявил он, – звонил сам князь! Его светлость приветствует вас и приглашает завтра на охоту!

– Кто это? – любопытствовал Антон.

– Господин Вольнор – почётный житель Мэргорода!

– Не люблю, когда убивают... – мрачно сказал Снегирь.

– А вы, маэстро? – спросил Антона мэр. – Любите пострелять?

– Нет!

– М-да... – мэр сочувствующе развёл руками. – Я тоже... Однако, увы! Отказываться нельзя... А охота – Бог с ней! Не любите – и ладно!.. Но поехать придется... Эй, гостинщик, шампанского! Выпьем за счастливый случай, который привёл вас сюда! Во всей этой суете, я ведь так и не представился: Ленард – «отец города»! – со значением произнёс он, вновь добродушно рассмеявшись.

Гостинщик тут же бросился выполнять приказ.

– Никого не впускать! – приказал «отец города» агентам, также выпроваживая их из номера.

Когда они остались втроём, он плотно закрыл окна и, усадив музыкантов на плюшевый диван с подушечками, многозначительно произнёс:

– Совет нашего Магистрата... по моей просьбе, конечно... предлагает вам... «вид на жительство»! – И, улыбаясь, скрестил руки на груди, в ожидании эффекта.

Однако музыканты не проявили должной радости.

– Видали мы его! – презрительно сказал Снегирь. – У нас такие виды в дороге открываются!..

– Да, мы не собираемся здесь оставаться, – согласился с ним Антон.

– И напрасно! – обиженно сказал мэр. – Творчество – это не только концерты. Воспитать учеников – разве не благородное дело, господа?! Я предлагаю открыть музыкальную школу, где вы оба смогли бы преподавать! Скрипку и вокал! И ещё!.. – важно добавил он, глядя на Антона. – Предлагаю вам должность Главного консультанта на фабрике музыкальных инструментов! Будете отбирать для продажи экземпляры тех скрипок, которые более-менее соответствуют звучанию скрипок Страдивари и ставить на них клеймо великого Мастера. Его подарил мне князь Вольнор! – хвастливо добавил он.

– Но Страдивари... – пробормотал Антон, ища поддержки у Снегиря, – собственноручно мастерил скрипки! Любой музыкант сразу же отличит оригинал от подделки!..

Мэр одобрительно рассмеялся:

– Вот именно: музыкант! А наша продукция – для всех и каждого!

Антон удивился:

– Зачем это?!

– А для престижа! – ответил мэр. – Такие скрипки будут пылиться под стеклом или задыхаться в сундуках среди нафталина, зато раз в месяц их будут выносить на бархатной подушечке и важно хвастаться перед гостями: работа самого – ого-го!..

– Однако... – Антон пытался вставить слово.

Но Ленард не дал ему это сделать:

– Мошенничество, хотите сказать? – Его глаза смеялись.

Антон не знал, что ответить.

– Мы можем назвать их «сувенирами». Зато чистый доход – тысяча золотых в неделю! Кроме того, мой товар благоприятно влияет на социальную обстановку в городе: когда у всех одно и то же – нечему и некому завидовать!.. Ну, что? По рукам?

– Тысячи скрипок «под Страдивари»!.. – прошептал Антон. – Это ужасно!..

– Спасибо за заботу, ваше превосходительство, – ответил за двоих Снегирь, – но каждому своё. Наша жизнь – это дорога. От дома – к дому, от сердца – к сердцу.

– Разве вы путешественники или кардиологи?! – нетерпеливо воскликнул господин Ленард. – Вы – музыканты, ребята!

– Вот именно! – воскликнул Антон. – Мы дарим музыку людям!

– Глупости! – решительно произнёс мэр. – Вы что же, надеетесь, что на дорогах вам воздадут должное? – Он испытующе глянул на обоих. – Сомневаюсь... Искусство – не для всех! По-настоящему вас оценит лишь тот, кто сам в нём разбирается. Я – один из них, господа! – гордо заметил он. – И предлагаю вам не только вид на жительство, но и «место под солнцем», в виде славы и почёта! Фестивали, конкурсы, зарубежные гастроли! – вот что ждёт вас, останься вы в моём городе!

– В этом нет надобности, ваша милость, – сказал Снегирь. – Славы не ищем, как и «места под солнцем»: его хватает на всех.

– Bravo! – кисло рассмеялся мэр, вяло аплодируя. – Узнаю себя в молодости... – Он не договорил: в дверь постучали.

– Шампанское, ваше превосходительство! – раздался из коридора голос Гостинщика.

– Неси! – рявкнул Ленард.

Тот принёс поднос с хрустальными бокалами и ведёрко со льдом, в котором стояли три запечатанных бутылки, покрытые изморозью.

– Откупорим сами! Ступай!

Гостинщик поклонился и на цыпочках вышел из номера, чрезвычайно довольный, что всё обошлось. Хотя по-прежнему недоумевал, как это в вазе оказался телефон!

Мэр, между тем, достал из ведёрка бутылку, обернул её салфеткой и привычным движением откупорил. Пробка выстрелила в потолок и метко попала в глаз лепному ангелу. Раздался чей-то приглушенный крик. Мэр, мельком взглянул на «Божьего посланника», перекрестился и поднял тост:

– Когда-то в молодости я, как и вы, мечтал всех осчастливить. Наивно, не правда ли?.. И лишь только, повзрослев, понял: для того, чтобы сделать счастливыми всех – не хватит ни семи, ни семидесяти жизней. Но недаром в Библии сказано: «Возлюби ближнего...» А раз так – значит, не нужно топтать дороги и переплывать реки. Выпьем за тех, кто рядом с нами, кто ждёт вашей доброты, вашей щедрости, вашего Искусства!.. – И первым осушил бокал.

– Вы несколько раз упоминали Искусство, ваша милость, – взял слово Снегирь, ставя недопитый бокал на стол. – И даже сказали, что оно – не для всех.

– Да, – согласился Ленард. – Люди живут на земле в суете и заботах, и большинству нет дела до Божественного. В Бога ведь тоже истинно верят не все. Слушают, да не слышат. Но если Богу можно помолиться, не очень-то в него веря... прости Господи!.. – Он перекрестился, подняв глаза на гипсового ангела. – То скрипача не станешь слушать, если сам в душе не музыкант.

– А вот и неправда! – горячо возразил Снегирь. – Как же все те на площади, кто слушал Антона?! Вы бы видели их благодарные взгляды!

– Чушь! – скривил губы мэр. – Делают вид, будто что-то понимают в музыке, чтоб не казаться болванами! Слушают да не понимают. И, слава Богу! Ведь, начав её понимать, все быстренько достигли бы совершенства, и тогда не имело бы смысла жить дальше!

– Смысл есть во всем, – улыбнулся Снегирь, поднимаясь из-за стола. – И, тем не менее, нам пора уходить.

– В каком смысле?! – удивился мэр. – А концерт в Ратуше? Я уже приказал художнику сочинить афишу! – соврал он.

– Концерт в Ратуше – это здорово! – воскликнул Антон.

Снегирь не ответил. Он взял с подоконника свою шляпу и, отсчитав оттуда несколько монет, высыпал остальные на стол.

– Передайте это в детский приют, – обратился он к Ленарду, повязывая на шею клетчатый шарф. – А концерт мы уже дали, – и направился к выходу.

Растерявшийся мэр выскочил из-за стола и преградил ему путь:

– Так нельзя! Как я слышал, господин Антон изъявил желание выступить ещё раз!

– Верно! – вспомнил скрипач. – Я дал слово!

– Вот-вот! – обрадовался мэр. – Тем более, что с вами не знаком князь!

Тут Снегирь снова вспомнил слова старой цыганки: «Бегите отсюда!.. Плохой город...»

– Ты – как хочешь, – ответил он Антону, надевая шляпу, – а я уйду.

– Как-то неловко отказываться... – шепнул ему скрипач.

В этот миг дверь распахнулась, и на пороге появился Белый, прижимая платок к левому глазу.

– Там... ваша дочь... – неуверенно произнёс он, обращаясь к мэру. – Кажется...

– Что значит «кажется»? – недовольно проворчал господин Ленард и направился к двери. – Кто это тебя? – мимоходом поинтересовался он у агента.

– Ударился о косяк... – промямлил тот и скривился от боли: – У-уу!..

Мэр не стал вдаваться в подробности: на пороге стояла девушка в тёмно-жёлтом платье, богато украшенном золотым шитьём, и коричневой пелерине с капюшоном, из-под которого выбилась светлая прядь волос. Девушка в нерешительности теребила указательный палец под левой перчаткой. Из-за двери выглядывали любопытные головы Гостинщика и Чёрного.

«При чём тут моя дочь?» – раздражённо подумал мэр. И вдруг, на мгновение ему при-
виделось, что время повернуло вспять, и перед ним стоит его юная покойная жена Луиза...
«Господи, – дрогнуло сердце, – что же это?.. Как такое возможно?!» – И ему вспомнилось,
как в давнем сне: приезд в Мэргород, его сватовство, свадьба и появление дочери...

«Неужели это было со мной? – спросил себя Ленард.

– Угуу!.. Девчонка, что надо, – сказал на ухо Чёрный Белому.

– Красотка! – облизнул губы Гостинщик.

– Отец... – промолвила девушка.

– Мария! – прошептал потрясённый мэр, обнимая дочь. – Девочка моя! Что с тобой
произошло?!

Глава шестая «Вот она – слава городу!..»

«Мария!.. – повторил про себя Антон. – Её зовут Мария!..»

– Я смотрелась во все зеркала и витрины, – ответила она отцу, – и ни одно, кажется, не врёт!

Мария взглянула на Антона, а он – на неё, и души их были застигнуты врасплох. Она промолвила как во сне:

– Его мелодия, отец, преобразила меня... А в душе запели снегири. Я так счастлива!.. Снегирь смутился.

– Этого нам только не хватало! – вырвалось у него. Он дёрнул Антона за рукав: – Хватит пялиться! Ты идёшь?

– погоди! – ответил скрипач, не отрывая глаз от девушки. – Я... не могу двинуться с места!

– Ещё чего! – уже не на шутку разозлился Снегирь.

– всю жизнь я думал, – продолжал Антон, обращаясь к Марии, – что смогу любить только музыку! И, слава Богу, ошибся!..

– Так ты идёшь? – Снегирь запахнул плащ.

– Без неё – нет! – зачарованно сказал скрипач.

– Тогда ты чего медлишь? – крикнул Снегирь девушке. – Собирайтесь – и в путь!

– Я согласна! – вспыхнула Мария.

– В какой путь?! – обеспокоено завопил мэр. – Так вот внезапно? Без отцовского благословенья?! Без свадьбы?!.. Моя дочь – не бродяжка!

– Предрассудки! – усмехнулся Снегирь. – Благословенье даёт Судьба, а браки совершаются на Небесах. Уж я-то знаю.

– Всё так, – согласился мэр, – но ей должен сделать предложение сам князь!.. Или ты забыла об этом? – обратился он к дочери.

Звенящая невидимая струна, натянутая между скрипачом и Марией, лопнула.

– Это правда?! – спросил он едва слышно побелевшими губами.

Мэр тяжело вздохнул:

– Если князь узнает об этом, – он с опаской кинул взгляд на «телефонную вазу», – будет весьма недоволен.

– Я не боюсь его! – воскликнула Мария. – И не люблю, когда решают за меня! Я сделаю всё, чтобы сегодня же он отказался от своих слов!

– Замолчи! – громко зашептал отец, заткнув все слышащее горло вазы диванной подушкой. – Что ты мелешь?! Он же тебя обожает!

– А я его нет! – она топнула ногой.

«Умница! – подумал о дочери мэр. – Вся – в мать!.. Правда, достанется мне от князя!.. Хотя в том, что произошло, моей вины нет. Скрипач – молод, талантлив, и уж конечно его, а не старого князя полюбила моя дочь!.. Молодец, девчонка! Но мне-то, хоть умри, – велено оставить его здесь... Антон-музыкант должен принести славу нашему городу!..»

– И так, вы отпускаете её с нами? – спросил Снегирь.

– Не наседайте! – поморщился мэр. – Дайте опомниться!.. Столько событий... – Он откупорил вторую бутылку. – Скорее всего, нет! – И выпил ещё бокал.

– Отец!.. – встрепелась девушка.

– Она не сможет прожить без удобств. – Стал терпеливо объяснять тот музыкантам. – Кроме того, я с детства баловал её. Знаете ли, единственная дочь... Росла без матери...

– Вы и вправду не сможете без всего этого? – спросил Снегирь.

– Я... постараюсь, – ответила Мария.

– Она попробует! – вступился за неё Антон.

– И вернётся же с первым дилижансом! – расхохотался мэр. – Она, как все женщины, любит дом, очаг, уют. Любит вечером пить чай из любимой синей чашки, обожает сидеть со мной в гостиной под розовым абажуром и вязать, любит, чтобы стол был покрыт кружевной скатертью её покойной матери. Кстати, – он понизил голос и повернулся к Антону, – она очень любит детей!.. Хотела даже работать нянькой в детском приюте... Но разве я мог позволить, чтобы дочь мэра... Словом, она может быть счастлива, но без вас!

– Нет! – воскликнула Мария. – Я буду счастлива только с ним!

– Помолчи, глупая! – стукнул господин Ленард кулаком по столу. – Все красивые женщины глупы! Ещё с утра ты была умнее!.. Если бы он любил тебя, то остался бы с нами... – И обернулся к Антону: – Поймите и вы меня, господин музыкант! Я не знаю вас. Поживите у нас, осмотритесь! А там, может, я и доверю вам свою дочь. И уж если и тогда вы будете любить друг друга – женитесь! Я не против! Но не так быстро!..

– Знаешь что, – сказал вдруг Снегирь Антону, – оставайся!

– А ты?.. – виновато пробормотал тот.

– Я не обижусь. Хотя мне будет трудно: я успел привязаться к тебе. Но если вдруг станет плохо – зови! я примчусь на зов!

Он неловко обнял Антона, поклонился Марии и мэру и, не оглядываясь, поспешил из гостиной.

В комнате повисла тоскливая пауза.

– Фу-у... – вздохнул Ленард. – Какой настырный молодой человек! – Он разлил шампанское в три бокала. – Давайте, выпьем за ваше счастье, дети!.. Но всегда помни, – строго сказал он Антону, – что будет с Марией, если ты вдруг уйдешь...

– Что? – испуганно спросил Антон.

– Она умрёт от тоски... И я умру без неё. А что будет с горожанами? Ты подумал?.. Из-за тебя погибнет весь город!

– Город не погибнет, – ответил он мэру, – и вы останетесь живы... И Мария!.. Потому что я буду всегда с ней рядом!

– Рядом, где? – уточнил мэр.

Это уже не важно... – сказал Антон. – Главное, быть вместе...

– Вот и прекрасно! – с воодушевлением чокнулся с молодыми господин Ленард, соединяя три бокала в хрустальном звоне.

«Удалось! – пел он про себя. – Вот они – деньги! Вот она – слава городу! Теперь главное – князь!..» – И выпил бокал до дна.

Глава седьмая

Пока мы вместе

Когда Мария с отцом покинули гостиницу, юркий Гостинщик был вне себя от радости. Ещё бы! Такой важный гость поселился в его заведении! Он тотчас же велел перевести Антона в самый лучший номер, с видом на старинный сад, и тщательно проверил каждый уголок всех комнат и ванной в поисках телефона или какой-нибудь секретной замочной скважины. Поиски, к его радости, ни к чему не привели.

– А я вас хорошо помню, – масляно улыбнулся он Антону. – В прошлом году на столичной ярмарке... Здорово же вы играете, господин Антон!.. Мой прадед был знаком с самим маэстро Паганини! И всю жизнь гордился этим. А я вот, знаком с вами и чрезвычайно горжусь подаренным мне судьбой случаем!.. Это ж надо, – зацокал он языком, – превратить зиму в весну!

Антон смутился.

– Располагайтесь, – продолжал любезничать Гостинщик, – а я принесу чего-нибудь вкусенького...

– Если не трудно, – остановил его Антон, – кружку парного молока.

– Какие трудности! – замахал руками хозяин гостиницы. – Всё будет исполнено! – И угрём выскользнул из номера.

Музыкант улыбнулся вслед. Он снял плащ, шляпу, ополоснул лицо в умывальной комнате и вышел на балкон.

По саду гулял Ранний Вечер. Завидев Антона, он помахал ему шляпой и, улыбувшись, пропал за деревьями...

В раннем сумраке, на ветках молодых яблонь, ещё вчера стоявших под снегом, дрожали, как крылышки мотыльков, нежно-розовые полураспустившиеся цветы. Трава манила свежестью.

Среди деревьев Антон увидел светящийся балкон богатого соседнего дома, за ним окна и крыши других домов...

«И что плохого нашёл в этом городе Снегирь?.. – подумал он. – Да и где он сейчас, этот упрямец?..»

В дверь постучали.

– Можно?.. – раздался чей-то скрипучий голос, и в номер без приглашения вошёл важный старик, неся на вешалках целый ворох различных костюмов и обуви.

– Меня прислал господин мэр, – сказал он и представился: – Лучший портной города!.. – И добавил: – Без ложной скромности!..

Он опустил костюмы с обувью в одно из кресел.

– Это вам на первое время, молодой человек. А сейчас позвольте снять с вас мерку.

– Зачем?.. – растерялся Антон.

– Господин Ленард заказал для вас концертный фрак. «Для великого скрипача», так и сказал.

Антон тут же смутился.

– Ну-ну, не краснейте! Каждый из нас гений. В своём роде... – Он достал портновский метр и принялся измерять Антона. – Я шил фраки многим известным людям в нашем городе: Галантерейщику, Мяснику, Скульптору... Поднимите руки... В том числе, и приедем знаменитостям. Руки опустите... Как потом писали газеты: в моих фраках они выглядели, куда талантливее, чем были, на самом деле! Вот что такое настоящее портновское искусство! Да-да, без ложной скромности! И все были довольны... Поверните... Ага, так я и думал!..

Плечи у вас немного узковаты... Но это не беда! Лучше иметь узкие плечи, чем узость ума! До завтра, молодой человек!..

И лучший портной откланялся, записав в уме все размеры.

– А вот и я! – весело возник тут же на пороге Гостинщик. В руках он держал кувшин с молоком.

– Скажите, любезный, – спросил скрипач, – чей во-он тот дом, напротив, с балконом?

– Господина мэра, – лукаво улыбнулся Гостинщик. – Надеюсь, скоро с того балкона вы каждое утро будете видеть балкон моей гостиницы... – И, неслышно закрывая за собой дверь, добавил, – Желаю приятно провести время... Если что нужно – шнур на звонок.

Наконец-то скрипач остался один. Он запер дверь на ключ и, мысленно поблагодарив мэра, стал примерять костюмы. Это не заняло много времени. Первый же попавшийся оказался ему впору, пара башмаков тоже. Антон налил стакан молока и, медленно отпивая по небольшому глотку, снова вышел на балкон. Он блаженствовал!.. Теперь никто не стоял за его спиной, никто не теребил, не подгонял, и всё, что произошло с ним сегодня – напоминало прекрасный сон в весеннем саду. Взгляд его притягивал пустой балкон в доме напротив. Лёгкая штора на двери качалась от ветра, а шумные воробьи сгоняли друг дружку с поручней.

Он вернулся в номер, прилёг прямо на покрывало нерастеленной кровати и закрыл глаза. Однако сон не шёл к нему: слишком велико было напряжение дня. С каждой минутой нетерпение всё больше охватывало его. Тогда Антон вскочил и раскрыл скрипичный футляр. Его пальцы прикоснулись к струнам. Музыкант вдруг понял, что если сегодня... нет! прямо сейчас! не увидит Марию, – жизнь его оборвётся, как скрипичная струна. Он захлопнул футляр, и вместе с ним решительно направился к двери. Но тут же остановился. Ни к чему, чтобы Гостинщик знал про это...

Спустя минуту, словно акробат, он спустился в сад через балкон. Скрипичный футляр висел на плече. Спрыгнув в траву, Антон осторожно стал приближаться к дому мэра. И вдруг рванулся вперёд.

С балкона напротив, по привязанной к перилам верёвке, спускалась Мария. Она заметила его, расцепила руки и легко упала в объятия вовремя подоспевшего музыканта.

– Привет!.. – улыбнулась девушка.

Он молча держал её на руках.

– Здравствуй! – серьёзно повторила она, смутилась и попыталась высвободиться.

Антон продолжал стоять, не шелохнувшись, а она тихо смеялась, вся наполненная счастьем, как музыкой.

– Ты так ничего не сыграешь!..

Он нехотя опустил девушку на траву, раскрыл футляр.

Ещё не взмахнул смычок, ещё не запела скрипка, а для Марии уже не существовало ничего вокруг: ни сумрака сада, ни дома, ни отца, ни князя – только её Музыкант! И в этой отстраненности от всего реального, в очерченном Желанием круге, в саду Воображения – проросла его Мелодия!

Она уносила в небеса, низвергалась водопадом, была живым ключом родника, падала дождём, свистела ветром по крыше, светилась далёкой звездой, пылала костром на лугу, плавно текла рекой, кричала раненой птицей, билась бабочкой в стекло, и вновь взлетала под облака!

Её слышали все в городе, и на сердце становилось спокойней. Её слышал Снегирь и радовался за друга.

«Такой талант! – думал про скрипача мэра, укладываясь спать. – Но какое же это безрассудство – разбазаривать его налево и направо!.. Нет, Искусство нужно продавать... – убеждённо сказал он себе. – И за очень большие деньги!..»

Когда Антон опустил смычок, Мария тихо сказала, дотронувшись до его руки:

– Я не хочу здесь оставаться. Давай убежим... Я не буду ныть и не попрошусь назад.
– Ты и вправду этого хочешь? – скрипач осторожно взял её за руку, вглядываясь в глаза девушки.
– Очень! Я ведь уже дважды убежала из дому.
– Охотно верю, – улыбнулся Антон, вспомнив, как ловко Мария скользила по верёвке с балкона. Улыбнулся, а потом встревожился: – Но зачем? Тебе здесь плохо?
– Из-за князя...
– Но ты сказала, что не боишься его.
– Боюсь, – призналась она. – Боюсь его фальшивой улыбки и цепких глаз. Он погубит нас... Особенно теперь, когда я и ты...
– Хорошо, – музыкант поцелуями её прекрасное лицо, – мы не будем медлить – убежим, как наступит ночь...

И тени деревьев запрятали влюблённых, весенние ветки укрыли их белой фатой лепестков, земля расстелилась зелёным ковром, а кузнечики играли для них свой венчальный вальс!..

О, влюблённые! Нет вам дела до целого мира! Разве слышите вы грохот волн или гром пушек в миг Любви? На целой земле есть только вы, а вокруг – никого!.. Так кажется вам.

... Два осторожных силуэта мелькнули среди деревьев. Один остался за тёмными стволами, другой же торопливо и совсем неслышно зашел в особняк мэра...

... Антон смотрел на Марию, прильнувшую к нему, с затаённой щемящей нежностью.

Стремительный взлёт от свободы на замёрзшей декабрьской дороге до этих связующих высот пробудил в нём эти странные чувства. Он ощутил разительный контраст между прошлым и настоящим!

И на миг увидел себя мальчиком, с детства не знавшего ласки; потом вспомнил себя подростком, который недоедал и мёрз по чужим углам; вновь пережил безрадостное время юности, когда гнала по дорогам сиротская доля. Он вдруг понял, чего был лишен все эти годы, и захотелось ему тепла, покоя, любви, – всего, что вдоволь досталось другим...

Мэр в ночном колпаке и халате уже собирался ложиться спать.

– Что?! – затопал он ногами, услышав донос Белого. – Они вместе?! Наедине?!.. До свадьбы?!.. Только этого мне не хватало!.. Почему не уследили? Почему позволили?! Почему не заперли все двери?!!

Белый вытирал пот со лба, мялся и невразумительно кряхтел:

– Все двери в доме были закрыты... Как вы и велели. Она сбежала через балкон...

– Опять сбежала?! Где они сейчас?! Где?!!

– В саду... – мямлил тайный агент. – Целуются...

– Целуются!.. – застонал мэр и, запахнувшись в халат, решительно понёсся вниз по лестнице. Белый едва за ним успевал.

– Ах, дрянная девчонка! Ну, погоди!.. – бормотал господин Ленард на бегу. – И скрипач не лучше! Воспользоваться моим хорошим отношением... Ну, что за молодежь? Одни только чувства на уме!.. Придётся её теперь запереть на ключ, чтобы – ни шагу!

– А со скрипачом как же?.. – спросил Белый. – Прикажете утопить или повесить?

– Дурак! – взвизгнул Ленард. – Чтобы ни один волос не упал с его головы!.. Кретины! Недоумки! И за что я вам только плачу жалованье?!..

Они выбежали в сад. Из-за ствола дуба появился Чёрный, который повёл их через кусты...

Два ярких луча от потайных фонарей осветили беглецов. Те сидели, прислонившись спиной к яблоневому стволу, держась за руки. Увидев разгневанного родителя, они вскочили на ноги, готовые ко всему.

– Так вот вы где! – прорычал мэр. – Вы, что же, захотели, чтобы его светлость снял мне голову?!.. Но другой головы у меня нет. Ведь он пригласил и вас, господин скрипач, завтра утром на охоту!.. Как бы я оправдывался перед ним?!

– Нечего оправдываться! – с вызовом сказала Мария, вновь беря за руку Антона. – С сегодняшнего дня я уже не невеста князя!

– Знаю... – вдруг бессильно махнул рукой мэр. Он снял ночной колпак и присел на резную скамью, стоящую рядом. – Прикажете объявить свадьбу?!

– Самую весёлую в нашем городе! – ответила дочь.

– И я стану тестем? – вдруг оживился Ленард.

– Самым лучшим тестем на свете! – подтвердила она.

– И – дедом?! – с интересом спросил он.

– Самым добрым дедом в мире! – рассмеялась вдруг Мария.

– Так зачем же вы хотели бежать?! – воскликнул Ленард. – Думали, не пойму, не разрешу?! Или, может, испугались князя?..

Мария молчала. Лишь сильнее сжимала руку Антона.

– А я взял – и понял, и благословил! – заулыбался мэр. – Оттого, что вспомнил, как сам когда-то любил... – Он смахнул невольную слезу со щеки. – Так видно суждено... А с господином Вольнором потолкую сам... – И, развернувшись, Ленард быстро направился к дому.

Тайные агенты поспешили следом. Уже у крыльца мэр обернулся к ним:

– На охоту выезжаем рано... А дочь запереть всё же придется... Иди, знай, что ещё вытворит... – И поднялся в свою спальню.

Он долго не мог заснуть. Всё думал о дочери, о покойной Луизе, о предстоящем разговоре с князем...

Ленард безумно любил свою единственную дочь, которая, как две капли воды, была похожа на мать. Случись что с Марией – Ленард, не задумываясь, послал бы к чертям и карьеру, и славу, и власть, и деньги! Даже самого князя! Он любил её так, словно этим отмаливал свои грехи за прежние годы...

Он зажёл свечу и достал из шкатулки переписку с Луизой, когда писал ей, выезжая по делам из города, и вдруг одна записка привлекла его внимание. Ленард удивился: как это он раньше её не заметил?!.. Эта было последнее письмо покойной жены. Он пробежал глазами розовый листок, с почти выветрившимся запахом её любимых духов, и вдруг со всей отчетливостью понял, что остался совсем один на целом свете!

Глава восьмая «В природе человека»

День обещал быть тёплым и солнечным. Наскоро проглотив вкусный завтрак, Антон надел плащ и высокие сапоги.

Вскоре под окном зацокали копыта. На каурой лошади восседал мэр, на гнедой – Белый.

Садясь на вороного коня, Антон спросил у мэра, почему с ними нет Марии, на что тот сообщил, что она не любит охоту, ей захотелось отправиться днём за покупками.

Чёрный остался с Марией, а мэр, Антон и Белый помчались верхом к Большой поляне, где всегда проходил охотничий сбор.

За ними спешили повозки со слугами и егерями. Слуги везли одежду, посуду и продукты для лесного обеда, егеря – туго набитые баулы, в которых лежали кожаные патронташи и чищенные ружья. Замыкал охотничий поезд возок с псарями. Гончие в пути дружно лаяли на всех и вся.

По пути в лес Ленард стал разьяснять Антону, что на охоте будут интересные люди, деловые и нужные: в любой момент может понадобиться как их положение, так и расположение. Сегодня в лесу соберутся почти все, с кем следует подружиться, поучал мэр скрипача: Главный банкир, у которого можно занять уйму денег для скрипичного фестиваля (а если быть с ним накоротке, то и просто попросить, в качестве благотворительности). Директор филармонии, имеющий большой опыт в организации различных праздников и фестивалей. Будет Владелец всех издательств города: двух газет и одного журнала, что немаловажно для рекламы. Обязательно поедет охотиться племянник королевского министра, уверял мэр Антона, что открывает путь к выступлению при Дворе, и ещё дядя одного посла, а уж это – зарубежные гастроли. Словом, скрипача ждёт славная охота на «нужных людей».

Прибыв на место, Антон увидел с десятков оживлённых мужчин в охотничьих костюмах. Слуги возводили шатры и сбивали столы, егеря набивали ружья патронами, а господа курили чубуки и трубки, рассказывая друг другу старые охотничьи байки. Видимо, нежданно пришедшая весна действовала на всех благотворно, как и временное отсутствие князя: все были милы, учтивы, раскованы и остроумны. То и дело лесную поляну оглашал громкий смех после солёных шуток и пересоленных анекдотов, которые под семейным кровом не рассказывались даже шёпотом.

Соскочив с лошади, господин Ленард взял под руку скрипача и подвёл его к большой мужской компании.

– Знакомьтесь, господа! – привлекая общее внимание, произнёс он. – Антон-скрипач, о котором вы уже наслышаны!..

Антон сбросил плащ и остался в новом костюме, в одном из принесённом портным.

Анекдоты смолкли. Все, широко улыбаясь, обступили слегка смущённого музыканта. В самом деле, костюм очень ему шёл: бархатный тёмно-вишнёвый пиджак, полосатые брюки, заправленные в сапоги, яркий шейный платок под отложным воротничком белоснежной рубашки. А уж сообщение мэра делало его просто человеком их круга.

К нему тотчас же подошёл Скульптор и торжественно объявил всем, что изваяет памятник скрипачу, если Магистрат выделит деньги. И чем больше, тем красивей будет памятник.

– Хорошая идея! – одобрил Ленард. – Правда, в Мэрии денег нет совсем. Но можно объявить «обязательно-добровольный» сбор средств для статуи.

Антон пытался отнекиваться, на что Скульптор недовольно заметил:

– Вам, господин скрипач, памятник, может, и не нужен, но народу!.. Мы-то с вами – люди маленькие: чего народ прикажет – то и сотворим! Так что не привередничайте, господин музыкант!

Скульптор был реалистом, то есть, умел правдиво изображать окружающий мир... глазами мэра. Он уже видел, стоящего на пьедестале музыканта со скрипкой в руках. Разметавшиеся на ветру волосы, горящий взгляд, тонкие пальцы...

К тому же, Скульптор был не только реалистом, но и провидцем. Он имел большую семью. Во дворе его дома стояла многофигурная композиция, которую он не мог закончить уже много лет. Вначале он изваял себя и свою тогда ещё будущую жену. Первоначально выбитая на постаменте надпись, гласила: «Двое и Любовь». Но каждый год, с увеличением семейства, Скульптор добавлял к композиции новых членов своей фамилии, всякий раз меняя название: «Трое и Любовь»... «Пятеро и Любовь»... «Шестеро и Любовь»...

Теперь его жена ждала седьмого ребенка, но Искусство ждать не желало, и в мастерской уже родился новый гипсовый фрагмент к шедевру. Своё очередное дитя скульптор развернул спиной к зрителю и заставил обнять отцовское колено: ведь неизвестно, мальчик это будет, или девочка...

Объявив мэру свою идею, он отошёл в сторонку, предоставив другим возможность пожать Антону руку и сказать несколько тёплых слов в его адрес.

– Может, выпьем, господи? – предложил Гостинщик и щёлкнул пальцами своим поваряткам.

На широченных пнях семивековых дубов, нарочно спиленных ради охотничьих пирушек, тут же появились бокалы и кувшины с вином.

– За нового коллегу охотничьего общества! – хорошо поставленным голосом провозгласил Директор филармонии.

И все выпили за Антона.

– За будущего зятя господина мэра! – выкрикнул Галантерейщик.

И все снова осушили бокалы за скрипача.

– За удачную охоту! – предложил тост одноглазый Полковник с чёрной повязкой на правом глазу, напоминающий пирата. – Как говорится: «Охота – спорт смелых и умелых»!

И все выпили по третьему разу.

– Когда-нибудь стреляли? – поинтересовался он у скрипача.

– Я не люблю, когда убивают... – ответил Антон, вспомнив слова Снегиря.

У Полковника округлился единственный глаз:

– Тогда зачем, позвольте спросить, вы здесь?! Охота, как говорится: «в природе человека»!

Рыжий Полковник был не только без правого глаза, но и без левого уха, кроме того, у него отсутствовало два пальца на левой руке и три на правой. Все эти ранения он получил не на войне, а на охоте после обильных «лесных излияний». Кроме того, одна нога, попавшая в капкан, была слегка короче другой. Но он гордился своими увечьями, как солдаты гордятся орденами и медалями.

– Уметь стрелять должен каждый мужчина! – нравоучительно рявкнул он. – Как говорится: «Без охоты и человек болван»! Будь моя воля, – у меня стреляли бы все: и женщины, и дети!.. Враг не дремлет! – гаркнул на всю поляну захмелевший вояка и отошёл в сторонку, сразу потеряв всякий интерес к Антону.

Зато к нему тут же заспешил Рыбник – благодушный здоровяк, от которого за версту разило одеколоном и копчёной рыбой – широко улыбаясь, взял Антона под руку.

– Вчера закоптил два бочонка с миногами. Один – ваш!.. А пожелаете осетринку или форель, – мигом доставлю!.. Но и вы помогите мне... – И добавил уже шёпотом: – Проклятые

налоги!.. Убедите вашего будущего тестя снизить их!.. Нет-нет! Только не в ущерб городу! Исключительно для меня! – и грубо рассмеялся своей шутке.

Антон что-то промямлил в ответ. Рыбник же понял это по-своему:

– А уж я позабочусь о жирных карпах, фаршированной щуке и розовом балычке!

– Простите... – Антон с трудом высвободил локоть.

Внезапно на поляне зазвонил телефон. Мэр подошёл к древнему дубу и, засунув руку в дупло, вытащил телефонную трубку:

– Мэр слушает!..

Присутствующие на поляне, словно по команде, заткнули пальцами уши.

– Все в сборе, ваша светлость!.. Со мной, ваша милость! – и взглянул на Антона. – Ждём только вас... – и сунул трубку обратно в дупло. – Его светлость! – объявил он всем, – Уже выезжает!

Все заплодировали.

Мэр подозвал Егермейстера:

– Всё готово к охоте?

– Как всегда, ваша светлость!

– Тшш!.. – понизил голос Ленард. – Кабаны на месте?

– В кустах.

– Зайцы?

– В мешках.

– Куропатки?

– В силках.

– Будем надеяться, охота пройдёт удачно, – выразил всеобщее желание мэр.

– Как всегда, ваша милость! – браво ответил Егермейстер.

Минут через десять послышалось: «Едет! Едет!» – и на охотничью поляну влетела богатая карета.

Мэр, сломя голову, кинулся встречать князя.

– Без вас не начинаем! – по-военному доложил он ему, распахивая дверцу кареты.

– Похвально! – сказал Вольнор, спрыгивая со ступеньки на землю. – Порядок есть порядок!..

Князь был человеком странным даже на первый взгляд. Хромал на левую ногу, но казался при этом стройным. На вид ему можно было дать как пятьдесят, так и семьдесят, а то и все девяносто. А находясь рядом с ним, чувствовалось затхлое дыхание склепа. Брр! Он носил наглухо застёгнутый чёрный мундир с золотыми галунами и лакированные сапоги со шпорами.

Князь пристально глянул в глаза Егермейстера своим тяжёлым и пронзительным взглядом.

– С утра хочется кабанчатины!.. Или кабанятины? Как правильной?

– Кабанины! – по-военному отсалютовал старший егерь.

– Словом, свинины! – подытожил князь и напрямиком направился к накрытым пням, равнодушно кивая на пути каждому охотнику.

– А вот и наш музыкант! – гордо произнёс Ленард и подвёл скрипача к Вольнору.

Тот оценивающе взглянул на Антона.

– Давно мечтал свести знакомство с настоящим скрипачом, – удовлетворённо улыбнулся князь. – Вы ведь скрипач настоящий?

Антон в смущении развёл руками.

– Гений! – утвердительно ответил за него мэр.

– Да что вы! – задохнулся в смятии музыкант. – Я совсем не тот, за кого меня принимают!

– Как – не тот?! – улыбка моментально слетела с лица Вольнора. Он вопросительно глянул на Белого: – Кто это?! Кто он, я тебя спрашиваю?!!

– Антон-музыкант, – подтвердил тайный агент.

– Да, это я, – сказал Антон. – Но совсем не гений.

Вольнор расхохотался. Вслед за ним расхохотались все.

– Вот оно что! – успокоился князь. – Весьма похвально! Скромность и гениальность уживаются крайне редко. Хотя скромность хороша в меру. Жить нужно легче, а дышать свободней. Ведь на свете столько радостей! Охота, например. Или лёгкий флирт. Да-да! Без него жизнь покажется пресной. А скачки! Дуэли! Карточные игры! Дружеские попойки!.. Не все же на скрипке пикивать! Мой вам совет: чуточку передохните.

– Отдыхать от того, чем живёшь? – недоумённо спросил Антон.

– Пусть ежедневно занимаются неучи и бездари. Вы же, юноша, – гений – если верить господину Ленарду. А я ему верю, потому что он тоже бывший музыкант! – Антон удивлённо глянул на мэра. – А гению достаточно лишь выйти на сцену и начать играть!.. Ведь ваш дар – от Бога!.. Или от дьявола?.. – Он пристально посмотрел в глаза Антону.

– От Бога! – не задумываясь, ответил тот.

– За это и выпьем!

И Антон тут же получил из рук Егермейстера новёхонькое ружьё.

Выпив с Вольнором, вся охотничья рать двинулась вглубь утреннего леса. Нервничали псы, натягивая тонкие металлические цепи: им не давали покоя знакомые запахи, исходившие из лесной чащи.

Егеря и псары, разделив охотников на группы, разошлись вместе с ними в разные стороны. За кустами остались цветные шатры.

Антон ехал рядом с князем и одноглазым Полковником.

Солнце высоко поднялось над лесом. Со всех сторон слышалось пение птиц, а под конскими копытами хруст прошлогодних веток.

Вдруг где-то впереди затрубил охотничий рог, его возглас подхватил в стороне другой, совсем рядом – третий.

И сразу же вблизи грянул выстрел, чуть подальше – грохнул другой, где-то эхом бабахнул третий!

Испуганно вспорхнули с веток птицы, ища защиты в небе.

Одноглазый Полковник вскинул ружьё.

И тут раздался треск раздираемых кустов, перед охотниками – в поисках спасения в этой стороне – появился загнанный кабан с крошечными безумными глазками. Увидев людей и здесь, он помчался прямо на них.

Не успел Антон отскочить в сторону, как три выстрела уложили кабана на месте. Смерть была мгновенной.

– Знай наших! – пробасил Полковник. – Как говорится: «У хорошего охотника ружьё не ржавеет»! – Из ружей его, князя и Полковника шёл белёсый дымок.

Антон увидел кровь на оскаленной мёртвой морде зверя, и деревья поплыли перед его глазами, а к горлу подступила тошнота. Хватаясь за ветки орешника, он свалился с коня на траву. Откуда-то издали донеслись крики, выстрелы, гудки рожков, ржанье коней... Затем на него пролился холодный дождь с неба, и кто-то стал бить его по щекам...

Антон раскрыл глаза. Над ним склонилось испуганное лицо мэра, поливавшего его водой из кувшина. Деревьев над головой не было, небо исчезло тоже, и он понял, что лежит в шатре.

– Ну, вот, – обрадовался мэр. – Кажется, пришёл в себя!

– Тряпка – этот ваш скрипач! – басил рядом одноглазый Полковник. – Слаб оказался на поверку.

– На то он и скрипач! – пробовал защитить его мэр. – Это вам не в казарме – ать-два! Скрипачи – народ тонкий.

– А я говорю: слабак! – огрызнулся искалеченный вояка. – Как говорится: «Всякий родится да не всякий в охотники годится!» – И презрительно покинул шатер.

Антон прикрыл глаза. Ему было неловко.

– Это хорошо, что слабым оказался... – тут же услышал он голос князя. – Кто не без слабостей!..

– Научится, молод ещё, – заверил его мэр и вновь вылил на музыканта воды из кувшина.

Скрипач затряс головой и резко сел.

Он увидел Вольнора. Тот стоял рядом и неотрывно смотрел на шею Антона, где под развязанным шейным платком болтался серебряный медальон с буквой «N.», в виде двух ноток.

– Да, – ледяным голосом сказал князь, – охота – это столько положительных эмоций! – и, не оглядываясь, вышел из шатра.

Глава девятая

Охота на Скрипача

Хоть охота до обеда оказалась короткой, на вертелах уже жарились две кабаньи туши, с десятка зайцев да десятка три куропаток.

Над поляной тут и там поднимался к небу аппетитный дымок.

Полдень лежал в низине на боку, молчаливо улыбаясь и вдыхая дым от костров, и его клонило ко сну.

Охотники же неумоимо сидели за столовыми пнями и, покуривая трубки, травили охотничьи байки.

– Помню в прошлом году в море, – рассказывал Рыбник, – поймал я молодую русалку, с хвостом, как полагается. С одной стороны – известное неудобство, зато с другой – ноги не кривые.

Все громко расхохотались над рыбацкой шуткой.

– И хоть лежит в сетях, а всё подмигивает! – продолжил он.

– И что дальше? – спросил Галантерейщик.

– Домой притащил.

– А что жена? – загоготал Полковник.

– Утопила в ванной! – закончил рассказ Рыбник под общий хохот.

Все знали, что сам он никогда не рыбачил, да и женат не был.

Антон вышел из шатра, разбуженный смехом, и присел поодаль от компании, на самом конце скамьи, рядом с мэром. Тот налил ему вина из кувшина. Антон отпил глоток.

К ним подошел Егермейстер.

– Запасы пополнены, ваша милость!..

– После обеда продолжим, – дал указание мэр.

– ...А у меня был особый случай! – донёсся голос Мясника с другого пенькового стола. – Охотился я неделю назад в горах на диких баранов. День прошёл, другой, и – всё зря!.. Ни одного не убил... Спускаюсь в долину – вижу: сидит кто-то у пня. Шерсть дыбом, глазища злые, рога – во! Сидит – и хвостом по пню постукивает.

– Неужто зубр?! – воскликнул Галантерейщик.

– Ты дальше слушай... Стучит себе, значит, по пню да копыто копытом потирает.

– Козёл, что ли? – не выдержал Галантерейщик.

– Сам ты козёл!.. – разозлился Мясник. – Вскинул я ружьё и, не глядя, бабахнул! Как заверещит он, как взвоят! И послал меня куда подальше!

– По-человечьи, что ли?! – удивился Галантерейщик.

– Ага! Как сапожник!

– А что сапожник?! – обиделся Сапожник. – Это мой отец ругался, а я – ни-ни!..

– Да кто ж это был?! – закричали все разом.

– Чёрт, вот кто! Чтоб он пропал, нечисть рогатая!

Охотники ахнули. Кто-то перекрестился.

– Не знал я, что вы чертей не уважаете, – раздался внезапно холодный голос князя.

– А за что их любить-то, ваша светлость?! – удивился Мясник.

– А любить никто и не просит. Их *уважать* надо, – жёстко сказал Вольнор. – И бояться!..

– Ещё чего! – усмехнулся Мясник. – Было б за что!

– За мудрость, – ответил князь. – Да за ясновидение. Тот несчастный чёрт, когда послал вас подальше, не сказал, когда *вам* убраться?

– Нет... – растерялся Мясник.

– Зря. Наверное, вас пожалел, – усмехнулся Вольнор. – Дал спокойно пожить недельку... Так вот сегодня ночью *это* и случится.

– Что *это*?.. – у Мясника дрогнул голос, а все застыли с бокалами в руках.

– *То самое*, – промолвил князь и громогласно расхохотался.

На этот раз его никто не поддержал: всем стало жутко.

– Гостинщик! – вскочил на ноги мэр. – Мяса на столы! И – побольше вина! А вас, господа, я бы попросил говорить лишь о весёлом! Вы не на службе!

Поварята подали на больших блюдах мясо и дичь. Жир капал на столы и на манжеты, стекал по подбородкам и за воротники. Обглоданные кости летели в жаркие собачьи пасти.

А потом были песни. И пьяные шутки. И снова – вино! И – дружеские объятия...

– Нравится? – спросил у Антона мэр.

– Оч-чень!.. – с непривычки захмелев, ответил тот. – Мне бы р-ружьё!

– Молодец! – стукнул его по плечу одноглазый Полковник. – Как говорится: «Охотнику и во сне охота снится». Умение стрелять никому не повредит! – И бабахнул в небо. – Это только с первого раза трудно, – добавил он. – Потом привыкнете...

– А скажи-ка, музыкант, – крикнул ему через столы Вольнор, – смог бы ты выстрелить в Снегиря?!

– В кого?.. – переспросил Антон: он уже плохо соображал. – Кто это?..

– Птичка такая! – зло расхохотался князь. – Из них вкусное блюдо получается: «Снегирь под майонезом»! – пальчики оближешь!.. Ну, так как: смог бы?

– Н-не-ет, не ел, – замотал головой Антон и бессильно уронил её на руки.

Кругом царило пьяное веселье. Лишь у одного Мясника была на лице неземная печаль...

После обеда охота была продолжена. Убили всех кабанов, добились всех зайцев, отстреляли всех куропаток, которых привезли из питомника. Больше всех охотничьих трофеев оказалось у Вольнора, мэра и Полковника.

Однако князь был в плохом настроении. Он отпустил карету, ехал верхом позади всех, и неотрывно смотрел Антону в спину.

Ленард заметил это и, чуть отстав, насторожённо поравнялся с Вольнором.

– Чем-то расстроены, князь?..

Тот перевёл свой тяжёлый взгляд на мэра.

– Как все же его имя?.. – спросил он.

– Кого?.. – Ленард сделал вид, будто не понял о ком идёт речь.

– Скрипача, – мрачно сказал Вольнор и вновь впился глазами в Антона.

– Антон! – ответил, как ни в чём не бывало, мэр. – Или забыли?.. – И сделал удивленное лицо.

– Ладно, проверим... – холодно промолвил князь и, вонзив шпоры в лошадиные бока, догнал Белого.

– Олень! Вот он! – внезапные возгласы егерей отвлекли Ленарда. – Заходи слева! Окружай!..

– Вперёд!.. – браво заорал Антон и на всем скаку бросился в чащу. Только не влево, куда помчались все, а направо.

За ним тут же устремился Белый.

Ленард, почуяв недоброе, галопом помчался за князем, видя что и тот свернул за скрипачом. И недаром! Вскоре из той стороны донеслось два выстрела, раздавшихся почти одновременно. Ленард выскочил на лесную прогалину и увидел, что Антон чуть не вывалился из седла. «Видно, сильно пьян», – с облегчением подумал мэр. В ту же секунду он заметил Белого и князя, подъехавших к Антону с двух сторон. Из их стволов вился сизый дымок. Ленард, оставаясь незамеченным, с ужасом наблюдал, как они оба вскинули ружья и, при-

целившись, почти в упор дали новый залп по скрипачу! Теперь он готов был поклясться, что видел это! Но и на этот раз Антон удержался в седле. Лица стрелков одинаково выражали озадаченность и недоумение, а у князя – впервые за то время, что Ленард его знал – ещё и страх.

Отец Марии стегнул своего коня и ринулся к музыканту. Белый перезарядил ружьё, но князь, заметив Ленарда, его остановил:

– Зря стараешься. Удрал твой олень! – и, огрев плёткой коня, помчался назад через поляну. Уже на полном скаку он обернулся и, что есть силы, прокричал мэру: – И всё же у твоего будущего зятя другое имя!..

– Не может быть!.. – изумлённо прошептал тайный агент, и было непонятно, к чему относится это восклицание.

«Что это всё значит?.. – обомлел Ленард. – Почему Антона хотят убить?.. Неужели только за то, что он стал женихом Марии?.. Или есть другая причина? Князь что-то сказал насчет имени... что же за всем этим кроется?..»

Но главным открытием стало для Ленарда то, что Белый и, скорее всего, Чёрный – на самом деле, служили не ему, а князю! Он вдруг осознал, что все эти годы, пока он находился на посту мэра, – за ним денно и ночью, тайно и явно шпионили два чужих агента и доносили в Радостный Замок каждый его шаг и каждое слово!

– Пошёл прочь! – замахнулся он плеткой на Белого, догнавшего его, и тот недоумённо и даже обиженно отскочил в сторону. А Ленард поспешил за Антоном.

Тот неспешно ехал по лесной тропе. Рядом с ним трясся в своем седле Скульптор.

– Мы сейчас же начнём работать! – убеждал он скрипача. – Сегодня ко мне должно явиться Вдохновение!

– Только не сегодня... – отнекивался тот. – Я себя чувствую... не очень...

– Но завтра его может не быть!..

– Кого? – не понял Антон.

– Вдохновения!..

– И не просите!.. – мотал головой скрипач.

Скульптор был настойчив и неумолим:

– Один лишь час! Я только определю пропорции, характер, позу! – Он тянул его за руку.

– Отпустите! – бормотал Антон. – Я упаду с лошади.

– Ну, прошу вас!

– Ступайте, ступайте! – прикрикнул мэр на ваятеля, догнав Антона. – Завтра в Ратуше и поговорим.

– Но Вдохновение! – чуть ли не плача, вопрошал Скульптор.

– Напоите, как следует, и оставьте у себя переночевать, – посоветовал ему Ленард и, взяв поводья из рук Антона, повернул вместе с ним в город.

– Куда мы?.. – удивился тот. – А охота?!

– Охота закончилась. Я хочу, чтобы вы с Марией немедленно покинули город.

Антон непонимающе взглянул на мэра.

– Я передумал. Я не буду держать вас рядом с собой, – ответил тот, поймав на себе недоумённый взгляд скрипача. – Теперь я хочу... и даже требую! чтобы вы умчались с ней, куда глаза глядят.

– Но почему?! – удивился Антон. Он не совсем понимал, почему так взволнован отец Марии. Хмель ещё не выветрился из головы и не позволял трезво воспринять происходящее.

– Тебя подстерегает опасность, – Ленард обернулся назад, уверенный, что увидит за спиной Белого, но дорога была пуста.

– Что за опасность? – никак не понимал Антон.

– Тебя хочет убить Вольнонор, – глухо ответил Ленард.

- Князь?! – поразился Антон. – За что?!
- Он – не князь, – сказал мэр.
- А кто?.. – спросил скрипач, чувствуя, что в туман в его голове стал рассеиваться.
- Это длинная история... – ответил Ленард, – И я хочу, чтобы ты знал всё. Слушай же!..

Глава десятая

История оперного баса, рассказанная мэром

Перенесёмся же лет на двадцать назад, в небольшой музыкальный Балаганчик.

В полунищей труппе служили Бас и Хористка. Ей было семнадцать, ему – около тридцати. Оба любили музыку, вместе пели в оперных спектаклях, а также на свадьбах и похоронах. Им часто приходилось голодать, но они никогда не унывали, и каждое утро благодарили Бога за то, что живут на свете. Обладая родством мыслей и чувств, они, как это нередко бывает, полюбили друг друга.

Но когда хозяин Балаганчика заметил, что Хористка ждёт ребёнка – он выгнал бедняжку на улицу. Побежать бы Басу в хозяйский кабинет и просить бы за неё, и клясться в вечной любви к ней, но!.. Он не сделал этого. Он струсился, побоявшись потерять место в театрике и стать героем закулисных анекдотов. И открестился от неё.

С той поры, чувствуя косые взгляды коллег-актёров, Бас изменился, и не в лучшую сторону: стал озлобленным, недоверчивым, не спелся с примадонной, рассорился со всей труппой и вскоре тоже покинул Балаганчик.

Зимой работал в цирке-шапито зазывалой, летом – на ярмарках, и, как прежде, пел на свадьбах и похоронах. В конце концов, когда Бас понял, что своим искусством не прокормится и, тем более, не оденется, то разленился и почти перестал петь, хотя был очень неплохим певцом. Теперь он только и мечтал жениться на какой-нибудь богатой невесте. О Хористке же забыл навсегда, никогда себя не спрашивая: где она и что с ней...

Так прошло пять лет.

Однажды днём, в его чердачную каморку очень дешёвой гостиницы кто-то постучал.
– Открыто! – отозвался Бас.

Вошёл мужчина неопределённых лет, богато одетый, с тростью в руке. Он не стал осматриваться, как обычно делают люди, впервые попавшие в незнакомое место, а уверенно прошёл к чердачному окну и сел на шаткий единственный стул у продавленной кушетки. И не успел певец поинтересоваться, что незнакомцу угодно, как тот заговорил сам:

– Лежите-лежите, отдыхайте! Я не отниму у вас много времени. Я пришёл сюда с чисто деловым предложением.

Сердце Баса почему-то сразу забилось сильнее.

– Я слышал, – продолжил незнакомец, – что вы ищете богатую невесту. – Бас заворожёно кивнул. – У меня есть одна на примете... Очень богатая молодая дама. Живёт, правда, в другом городе... Я мог бы вас сосватать, но для этого и мне кое-что от вас нужно...

Бас привстал на кушетке.

– Что же?.. – растерянно пробормотал он.

– Ваш талант.

Певец в удивлении раскрыл глаза.

– Кто вы?.. – спросил он Незнакомца.

– Собиратель Чрезвычайных Редкостей... Кто-то собирает картины, монеты, оружие. Даже кареты... У меня – совсем другое увлечение. Солнечный зайчик, например. Или первый поцелуй... Воздушный замок... Упавшая звезда. И многое-многое другое... Но собирать всё это просто так – занятие скучное, даже бесполезное. Этим можно хвастать, но практической пользы – никакой... А я в душе прагматик... Разрешите?..

Он достал из воздуха сигару и прикурил её от незажжённой свечи на столе.

– Так вот, с некоторых пор я стал собирать совсем уж необычные вещи. Языки, например. Или профессии.

– К-какие языки? – испуганно спросил Певец, решив про себя, что незнакомец не в своём уме.

– Я – не сумасшедший! – усмехнулся тот, пуская дым под низкий потолок. – Я говорю об иностранных языках. Вчера, например, был у одного полиглота и теперь прекрасно говорю сразу на семи... А сегодня (такая удача!) у одного поэта приобрел его Музу (он кивнул в окошко), она в карете. И, значит, теперь могу писать стихи...

Незнакомец внимательно посмотрел в глаза певцу, отчего у того пробежала дрожь по всему телу.

– С вами дело обстоит куда проще, – он криво улыбнулся. – Так как талант вам больше не нужен – согласен обменять его на вашу мечту.

Певец ошарашено смотрел на него и не мог издать ни звука. Незнакомец весело расхохотался:

– Ну-ну! Придите же в себя! Это у вас – от счастья! А я часто делаю людей счастливыми. Будь у меня свой город – все горожане только бы и ходили со счастливыми рожками. – Он взял со стола пустую бутылку и налил её в стакан красного вина, разнеся по каморке пряный дубовый запах. – А что может быть лучше весёлых компаний?.. – Выпил он его. – Только не подумайте, что я вам снюсь.

Странный гость взял руку певца и дотронулся ею до своего чёрного фрака.

– Чувствуете? Я живой. Вот он – я! С вами и для вас.

– Кто же вы?.. – прошептал Бас.

Незнакомец не ответил на его вопрос. Лишь загадочно улыбнулся:

– Не будем терять времени, я хочу услышать ваше «да».

– А если скажу «нет»? – испуганно спросил певец.

Незванный гость холодно рассмеялся:

– Дело ваше!.. Только через очень короткое время ваш талант и ломаного гроша стоить не будет. Не говоря о том, что талантливых людей много. Найду другого. Хотя благоразумней было бы со мной подружиться. Я обещаю вам счастливую жизнь, богатый дом, множество слуг и молодую жену. Разве не этого вы хотите? Ну, и, конечно же: власть и деньги впридачу.

Он сделал паузу:

– Что скажете?

– Если... всё это так... – с трудом пробормотал певец, – то я... согласен. Мой талант и впрямь может угаснуть.

Этим он хотел хоть как-то перед собой оправдаться: ведь богатый дом, власть и молодая жена уже словно стояли в чердачной каморке перед его глазами.

– Как это делается?.. – спросил певец. – От меня потребуется расписка?.. Кровью?.. – Он испуганно посмотрел на гостя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.